

Дмитрий Ахшарумов

Оспопрививание как санитарная мера

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов

Оспопрививание как санитарная мера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2889615

Аннотация

«По случаю появляющихся в настоящее время в газетах статей об оспенной эпидемии и озабоченности о том санитарных учреждений, всякий, кто ближе знаком с этим предметом и критически к нему относится, должен, как сделал это почтенный профессор П. Ф. Лесгафт, прямо, не стесняясь общераспространенным повсюду взглядом, выразить свое личное мнение, словами или печатно, и предоставить его гласному обсуждению. Мое мнение об оспопрививании было уже однажды выражено печатно в 1884 году. С тех пор, по прошествии 17 лет, не переставая интересоваться этим предметом и следя за его литературой, я не только не изменил своего мнения, но еще более и окончательно утвердился в нем»

Содержание

Предисловие	4
I	6
II	13
III	20
IV	37
V	52
Приложение	78

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов Оспопрививание как санитарная мера

Предисловие

По случаю появляющихся в настоящее время в газетах статей об оспенной эпидемии и озабоченности о том санитарных учреждений, всякий, кто ближе знаком с этим предметом и критически к нему относится, должен, как сделал это почтенный профессор П. Ф. Лесгафт, прямо, не стесняясь общераспространенным повсюду взглядом, выразить свое личное мнение, словами или печатно, и предоставить его гласному обсуждению. Мое мнение об оспопрививании было уже однажды выражено печатно в 1884 году. С тех пор, по прошествии 17 лет, не переставая интересоваться этим предметом и следя за его литературой, я не только не изменил своего мнения, но еще более и окончательно утвердился в нем.

Теперь, при вновь по-видимому возникающей эпидемии и поднятой в Петербурге тревоге, нарушающей спокойствие

жителей (до того, что домовладельцы и хозяева квартир от приходящих к ним нанимателей чуть не требуют свидетельств о привитии вновь оспы), теперь, в такое время, я считаю моим нравственным долгом способствовать насколько могу к выяснению этого великого векового заблуждения.

I

Периодическое возрождение оспенных эпидемий, приблизительно через 5–9 лет, озабочивает в некоторых местностях жителей селений и городов и заставляет их, в неведении, искать защиты в предохранительной мере, всюду с начала XIX века признанной единственно спасительной. Такой период по-видимому настает теперь, и все население, не исключая и нашей образованной интеллигенции, из страха заболеть жестокой болезнью в городах толпится у порогов и в залах оспопрививателей-врачей, а в деревнях оно, побуждаемое полицией, протягивает свои руки невежественным, часто безграмотным крестьянам-оспенникам. Если однако же мы спросим себя, удержалась ли какая-нибудь санитарная мера или способ лечения, основанная на размышлениях, опытах и знаниях XVIII века, то мы должны будем ответить «нет», в особенности взгляды врачей на санитарное дело. Понятие о чистоте изменилось совершенно, появились совсем новые требования гораздо большего механического очищения, химические дезинфекции и асептика, о которых прежде не имели никакого понятия... Если в новейшее время и возникли предохранительные и целебные прививки (дифтерита, чумы и других болезней), против которых в медицинской литературе встречается еще немало возражений со стороны весьма известных ученых врачей,

то их делают стерилизационно-выращенными бактериями, смягчая предварительно изученными способами их злокачественность. Как бы отнеслись к тому современные бактериологи или хирурги, если б кто-либо ныне стал делать прививки не чистейшими разводками, а прямо соком из каких-либо прыщей заразных болезней или из таковых искусственно выращенных на коже животного, как это теперь совершается при прививке оспы телячьей лимфой?! Многое, невиданное прежде, выяснилось в течение целого столетия.

Дженнеровская так называемая и по сию пору коровья оспа, оказалась существующей только в воображении; самородной коровьей оспы в природе нет и никогда не было. Ученые ветеринары, как я убедился много раз, личными их ответами на мой им об этом совсем необычный, заставивший их задуматься вопрос, отвечали все без исключения, что «таковой самородной коровьей оспы» они никогда не видели. Знаменитый берлинский профессор ветеринарных наук Боллингер признаёт, что самородная оспа бывает только на человеке и на овце (подобная первой, но не тождественная), оспенная же сыпь на вымени коров, в былое время больших оспенных эпидемии, он полагает, вызывалась случайно самим человеком, доильщицами и доильщиками-конюхами¹, не вполне выздоровевшими от перенесенной ими оспы².

---

¹ В XVII и XVIII столетиях коровы и лошади содержались в общих помещениях.

² Sammlung Klin. Vorträge v. R. Volkmann. # 115.

Сыпь на вымени коров, столь казавшаяся обыкновенной в XVIII столетии, в наше время столь безуспешно, с возвещением премий у нас (земствами) и за границей (центральными оспенными учреждениями) разыскиваемая, вовсе не существует. Это разыскивание самородной коровьей оспы началось во 2-м десятилетии XIX столетия в различных государствах с целью освежения ею так называемой «материнской» оспы, ныне существующей через перепрививки с руки на руку и за целые десятилетия будто бы «выродившейся». По неуспешности этого премии были отменены и положено было вызывать оспенную сыпь на корове привитием ей человеческой оспы с руки и затем собирать для прививки. Это оказалось однако же очень неудобным маневрированием с большим животным, а также и потому, что привитие лимфы прыщей с коровы на теле человека вызывало очень сильную и опасную реакцию, потому это было оставлено, и коровы заменены четырехмесячными телятами, от которых можно было получать подобную человеческой оспенную лимфу (см. ниже)³. Затем и телячья лимфа как неудобная была забракована до 60-70-х годов, когда крайность заставила прибегнуть к ней. Так попытки оспопрививателей освежения ныне выродившейся оспы кончились ничем, и теперь никто более не говорит о ней. Сам Дженнер не считал ее у коров самостоятельной, но полагал, что она происходит от лошадиного мокреца (!). Он пользовался даже мокрецом лошади для приви-

---

³ Dr. G. Cless «Impfung und Pocken» Württemberg Stuttgart 1871, стр. 30 и далее.

тия коровам, а затем, по появлении сыпи на вымени коров, прививал ее детям – так пишет об этом мюнхенский профессор доктор А. Куссмауль, ревностный защитник оспопрививания⁴. Итак, самородной коровьей оспы нет, и ныне мнимо таковая, прививаемая с руки младенца или с теленка, есть ничем не измененная настоящая человеческая оспа – та самая, которая прививаема была еще до Дженнера с 20-х годов XVIII столетия, почти целое столетие во всех странах, пока она не была наконец как вредная всюду изгнана и запрещена законом. Эта санитарная мера неизвестной по имени фессалийской старухи, просуществовавшая целое столетие, заслуживает упоминания для выяснения последующего.

Возникшая в самом начале XVIII века в Греции и оттуда перенесенная ею же в Константинополь, она быстро распространилась среди населения испуганного оспенными эпидемиями – населения, которое и в благополучное время, как мы знаем, готово всегда верить во всякого рода чудеса. Старуха, как бы вдохновленная видением Матери Божьей, возвещала верующим избавление от оспы и производила это особым обрядом: после поста и молитвы она наносила на теле здорового человека несколько царапин в виде креста и затем втирала в ранки гной оспенных прыщей. Народ прозвал ее богоугодной, все население стремилось к ней. Она призвала из Греции и своих помощниц, и вскоре народная молва насчитывала уже до 40 000 спасенных. В числе по-

---

⁴ А. Kussmaul «Zwanzig Briefe über Pocken» 1870, стр. 23.

следних в Константинополе была жена английского посланника lady Montegue и все ее семейство, и она в 1720-м году, возвратившись в Лондон, где была тогда оспенная эпидемия, распространила это чудесное избавление от оспы между высокопоставленными лицами. Мера эта однако возбудила противодействие со стороны многих врачей и вызвала опыт над семью преступниками, приговоренными к смерти. Опыт увенчался (говорят) успехом, т. е. привитие оспы совершилось благополучно – без вреда кому-либо! После этого описанный способ избавления от оспы получил еще большее распространение, и между привитыми была и принцесса Валлийская (впоследствии английская королева). Противодействие, однако, продолжалось со стороны врачей, даже пасторы проповедовали в церквях, что это дело от дьявола. Несмотря на это, однако, в 1738 году последовало правительственное одобрение этой предохранительной меры. По переходе в руки врачей иголка заменена была ланцетом и религиозный обряд назван был инокуляцией. После этого прививка натуральной оспы в Англии не нарушалась более ничем, и она просуществовала до 1840 года, в который она была запрещена законом как вредная и совершенно лишняя, ввиду вошедшего уже в употребление другого безопасного способа привития оспы (насколько это справедливо, мы увидим ниже). В Европе, на континенте, в Америке повторилось то же самое: прививались простой народ, высшие слои общества и вся знаменитость, стоявшая во главе просвещения. В

Россию инокуляция проникла в середине XVIII столетия, но широкое распространение она получила только после благополучного привития оспы императрице Екатерине II и царевичу Павлу Петровичу в 1768 году.

Такова была санитарная мера начала XVIII столетия неизвестной по имени фессалийской старухи, не принявшей никакой награды за чудесное спасение в продолжение стольких десятилетий рода человеческого и затем без вести пропавшей. По мере распространения, однако, все более выяснялось, что прививка натуральной оспы не всегда проходила благополучно, бывали и случаи смерти. Кроме того, вместо изолирования оспенного больного (как теперь всюду принято), привитые, оставаясь без надзора, распространяли заразу и становились очагами новых заболеваний. В общей массе при усердном применении инокуляции число больных оспой увеличилось, а с ним и число смертных случаев, что и подтвердилось позднейшей статистикой смертности: из данных, представленных английскому парламенту (врачами Lettsom, Gilbert и Heberden) видно, что в Лондоне за 50 лет (1650–1700), когда не было инокуляции, на 1000 умерших вообще приходилось умерших от оспы 56, между тем как с 1751 по 1800 год в Лондоне на 1000 приходилось умерших от оспы 96. В сорокалетний период (после введения инокуляции) умерло от оспы в одном Лондоне на 24 549 человек более, чем за предшествующее сорокалетие (Рейтц «Критический взгляд на оспопрививание», 1873 г. стр. 66). В Шве-

ции в 1779 году, в самое цветущее время инокуляции, умерло от оспы 7200 на 1 000 000 населения – самая большая смертность, бывшая в ней когда-либо от оспы (см. диаграмму смертности в Швеции в упомянутом сочинении Куссмауля). Англия в этом деле наиболее передовая и наиболее консервативная страна: от нее вышла инокуляция и в ней же впервые возникла и новая дженнеровская прививка; несмотря на это, однако, старая предохранительная мера (инокуляция), признанная уже вредной, запрещена была в ней законом позднее, чем во всех других государствах, в 1840 году; в Пруссии она запрещена была в 1835, в России в 1805, в Австрии в 1803, в Италии в 1802 году...

II

В это время сомнений и опасений, в самом конце XVIII века, появилась т. н. коровья оспа Дженнера.

Поверье о более редком страдании оспой доильщиц и коныхов существовало у многих фермеров графства Глочестер, где жил врачом в г. Беркелей Дженнер, и считалось людьми науки бабьей болтовней⁵. Дженнер возымел мысль доказать истину этого поверья непосредственными научными наблюдениями. В 1796 году, в эпидемию оспы в Беркелее, он собрал содержимое прыщей на пальцах доильщицы Сары Нельмес и 14 мая привил эту гнойную жидкость на обе руки восьмилетнему мальчику Джону Фиппсу. К концу июля он привил тому же Фиппсу натуральную оспу; мальчик не заболел, и вот первый научный эксперимент о предохранительной силе т. н. коровьей оспы (корова, от которой заразилась Сара Нельмес, без сомнения была заражена кем-либо из прежних доильщиков). Осенью и зимой он сделал еще несколько опытов, частью над людьми (по их словам), болевшими прежде уже коровьей оспой, частью же над привитыми им, которых, по истечении некоторого времени, подверг инокуляции, и никто из них не заболел. К концу 1796 года наблюдения его были изложены им в особом докладе и

---

⁵ Charles Creighton «Jenner and Vaccination» 1889, London, стр. 24.

представлены в Лондонское Королевское общество врачей, которое, рассмотрев доклад, нашло его по новости предмета недостаточно обоснованным, чтобы быть напечатанным в «Philosophical Transactions». Тогда Дженнер, дополнив свой доклад еще новыми опытами, в 1798 году обнародовал свое исследование. В исследовании этом были описаны такие же факты в малом числе, не имевшие научного значения, но ему казались они достаточно убедительными. Шестеро из его прежних пациентов в молодости были больны коровьей оспой и через промежуток от 21–23 лет им была сделана прививка натуральной оспы, причем они не заболели. Некоторые из прочих пациентов его были коновалы или конюхи, болевшие прежде мокрецом лошади, что он считал болезнью одинаковой с коровьей оспой. Были еще между ними и дети, привитые им самим. Все упомянутые больные были им инокулированы и не заболели. Доктор *Крейтон* (Creighton), изучавший всю литературу этого предмета, заявляет (в сочинении своем «Jenner and vaccination», 1889, London, стр. 75), что почти все описания этих опытов сбивчивы, ограничиваются общими местами, и самые опыты сделаны были без всяких поверочных испытаний.

Дженнер однако же, как мы знаем из литературы этого предмета, сначала убежденный в истине своих открытий, не мог не видеть на своих же привитых заболеваний натуральной оспой, и заявил о том печатно в 1798 году в первом сборнике своих наблюдений (Schmidt's Jahrbücher Г. 64. 1849,

стр. 140). Он умер на 74-м году отроду, в 1823 году. Первые опыты привития им были сделаны в 1796 году, а потому в течение последовавших 27 лет его жизни он насмотрелся своими глазами, что и по его способу привитые заболевали оспой не менее прочих, и умирали тоже, чем он был крайне огорчен, и унес с собой в могилу разочарование и сомнение. Сомнение это было так велико, что, потеряв своего первого сына вскоре после привития ему оспы, он второго сына уже не вакцинировал⁶. Что оспенный прививочный гнойный прыщ может содержать в себе и примеси других заразных болезней, о том еще не было известно в самое первое время применения нового способа прививки; инокуляция теряла все более доверие и ее боялись. Время открытия Дженнера чрезвычайно благоприятствовало принятию нового предохранительного от оспы верного и казавшегося тогда безвредным способа. В 1801 г. Лондонское Королевское медицинское общество признало и оценило его открытие, и в следующем 1802 году палата общин назначила в награду Дженнеру за его ученые труды на пользу всего человечества 10 000 фунтов стерлингов (около 100 000 рублей). Позднее, в 1807 году он получил еще 20 000 ф. ст.

Прошло сто лет и недавнее, в 1896 году, чествование Дженнера по всем столицам Европы и у нас в день исполнившегося столетия первого привития им коровьей оспы, пока-

---

⁶ J. Hammernik Contagium. Epidemie und Vaccination Prag. 1867, стр. 35. Гаммерник, известный своими открытиями, профессор физиологии в Праге.

зало, что его и теперь готовы бы озолотить все высшие стоящие у власти медицинские чины, высоко ценящие его открытие. Столетняя давность, однако же, накопила многочисленные факты, сопоставление которых рассеяло многие иллюзии прежних лет и, обнаружив истину как она есть, сняла с нее густую вуаль и мы увидели, что великое открытие было роковым заблуждением для всего человечества, так как возведенное в профилактическую меру оно было применяемо усердно и с понуждением и не предохранив никого от оспы, оно, как и санитарная мера фессалийской старухи, унесло множество жертв сифилисом, туберкулезом и острыми воспалительными болезнями, как это будет разъяснено ниже. Означенные болезненные явления появились с первых же годов привития коровьей оспы. Об этом времени мы имеем новейшие сведения в сочинении соотечественника Дженнера, известного естествоиспытателя Альфреда Руссела Уоллеса, под заглавием «Чудесный век»⁷. Перевод его вышел уже на русском двумя изданиями.

В сочинении этом одна глава посвящена оспопрививанию; на стр. 218 (оригинала) он пишет: «Сто лет тому большинство профессиональных врачей было в научном отношении недостаточно развито. Ничто не доказывает этого лучше, как полное отсутствие каких-либо систематических контрольных опытов и крайняя поспешность, с которой многие тогдашние авторитеты медицины уже на 4-й год (в 1802 го-

---

⁷ A. R. Wallace: «The wonderful century» 1900, London.

ду) после открытия Дженнера заявили о своей вере в пожизненное предохранительное действие его прививок. Между тем, уже в 1804 году доктор Мозели (Moseli), врач госпиталя Chelsea, обнародовал небольшую книжку, в которой описывалось много случаев заболевания оспой людей, привитых с успехом. При этом упоминалось в ней о нескольких случаях тяжелой болезни, повреждений и даже смерти от оспопрививания. Все эти несчастные случаи были признаны Королевским Дженнеровским обществом как действительно существующие, и занесены в отчет его за 1806 год».

Д-р Вильям, врач лазарета Св. Марии, в 1805 году в своем труде (вышедшем третьим изданием в 1806 году) «Об инокуляции коровьей оспой» дал подробное описание 504 случаев злокачественной оспенной сыпи после предохранительной прививки, с 75 случаями смерти. Обращаясь к своим коллегам врачам, он говорит: «Придите и посмотрите». Два дня он показывал врачам детей, которые были поражены страшной сыпью и другими болезнями после вакцинации.

Томас Броун, хирург в Моссельбурге, в 1809 году обнародовал свои наблюдения над вакцинированными им: он убедился сначала в действительной пользе вакцинации, но когда в 1808 г. обнаружилась эпидемия, весьма многие из привитых им 2–3 года перед этим заболели оспой и умерли. Он дает подробное описание 48 случаев, лично ему известных, и говорит, что он знает и много таких других. Эти случаи, вместе с вышеупомянутыми Броуном, были представ-

лены в Королевскую комиссию профессором Крукшанком (Crookshank).

Уоллес приводит еще выдержки из разных авторов литературы этого времени: докторов Сквареля (1805), Джона Берча, сперва принявшего вакцинацию, но потом печатавшего против нее статьи до 1815 года, Вильяма Гладстона (1804), Вильяма Теба, внесшего в комиссию статью Мэклина, напечатанную в «Medical Observer» в 1810 году, в которой приведено 535 случаев заболевания привитых натуральной оспой, причем 97 со смертным исходом. Далее он говорит: «К несчастью, одновременно и руководящие врачи, и законодатели сошлись слишком рано на полном признании правильности оснований Дженнера, и притом таким способом, который уже не допускал никаких пересмотров... Было уже поздно исправлять сделанную ошибку, так как вообще известно, что каждая профессия нелегко сознает свои промахи, так же как и правящим лицам нелегко сознаться в том, что они бросили общественные деньги без достаточного основания»⁸.

Оспенные эпидемии в эти годы были значительно слабее прежних, и это отнесено было к благотворному влиянию спасительных прививок Дженнера.

Это мнение, возникшее в самые первые же годы дженнеровской прививки, быть может измышленное в противовес

---

⁸ Случаи, здесь приведенные, взяты Уоллесом из сочинения Вильяма Уайта «История великого заблуждения» (White «Story of a great Delusion»).

только что упомянутым фактам в оправдание совершенной столь крупной ошибки, сослужило хорошую службу на все столетие для оспoprививателей. Оно принято было всей Европой и по сие время тщательно поддерживается всеми оспoprививателями, потому мы займемся разьяснением его в следующей главе.

III

Прежде чем приступим к описанию дальнейшего разоблачения дженнеровского способа мнимого спасения от оспы человечества, мы считаем нужным теперь же выяснить ложность двух общераспространенных в народе и во всех классах населения мнений, укоренившихся как неоспоримые истины:

1) Привитием так называемой коровьей оспы будто бы остановлены злокачественные эпидемии XVIII века и только усиленному применению этого привития мы обязаны теперь нашим благополучием.

2) Поскольку ныне прививаемая дженнеровская оспенная материя (по сравнению с прежней от оспенных прыщей XVIII столетия) потеряла свое острое лезвие, свою злокачественность, так что можно считать ее (согласно общераспространенному мнению) более доброкачественной.

1. Ослабление оспенных эпидемий XVIII века

Оспенные эпидемии, как и эпидемии прочих инфекционных болезней, характеризуются периодическими усилениями и ослаблениями, зависящими: 1) от причин общих всем эпидемическим болезням (гигиенические условия жизни на-

селения, пища его, жилища, почвенные условия...) и 2) от каждой эпидемии свойственных (метеорологических, теллурических и других), благоприятствующих или задерживающих зародыши болезней в их развитии. Эти последние причины формируются в продолжение нескольких лет или десятилетий, имеют в природе свою закономерную периодичность, нами изучаемую.

В некоторых государствах, в течение уже более 200 лет, велись наблюдения над течением различных эпидемических болезней и составлялись списки смертности от них населения. Таковые же наблюдения производились и над оспенными эпидемиями. Статистические сведения об оспенных эпидемиях собирались и в Швеции в начале еще XVIII столетия. Они впоследствии были заимствованы и другими государствами как образцовые, и многими внесены в статистические книги парламентов, хотя таковые же сведения велись в Англии и с XVI столетия и были вероятно не менее удовлетворительны для своего времени. Позднее, для наглядного обозрения десятков и сотен годов с их эпидемическими колебаниями, они были представляемы при обсуждениях вопросов об оспопрививании в парламенте в виде диаграмм.

Проследим по одной из таких диаграмм картину смертности в Швеции от оспы. Возьмем таковую из сочинения ревностного поклонника оспопрививания профессора Куссмауля. В кратких словах она представляет следующее.

На белом листе начертан замкнутый со всех сторон четы-

рехугольник, которого длина несколько более, чем ширина. Сверху вниз и слева направо идут, взаимно пересекаясь под прямым углом, вертикальные (параллельные) и горизонтальные (таковые же) линии, которыми весь чертеж разделяется на множество одинаковой величины мелких квадратных клеток. Клетки эти, соприкасаясь одно с другой, образуют ряд прямолинейных столбиков; каждый такой вертикальный столбик представляет один год. На диаграмме надпись: «Листы смертности от оспы в Королевстве Швеции за 107 лет с 1749 по 1855 год». Годы, пораженные оспой, означены темным цветом. Вверху таблиц (по продолжению столбиков вертикальных) надписаны числа годов, по краям же таблиц слева и справа (по продолжению горизонтальных линий) означены числа смертности на 1 000 000 населения. На границе 1801 года проведена более толстая линия, которою весь чертеж разделен на две половины, над первой стоит заглавная надпись: «До введения оспопрививания», над второй (начинающейся с 1802 года) – «После введения оспопрививания». Первая половина разделяется тоже на два отдела: над первым, с начала столетия до 1773 г., надпись: «Оспа и корь», над вторым – «Оспа»⁹.

По этой последней надписи первый отдел не имеет для нас никакого значения, так как он представляет смертность не

---

⁹ Во второй половине XVIII столетия врачи еще не различали оспы от кори! Быть может, в прежнее время корь выражалась на коже более крупными прыщами.

от одной оспы, а в соединении с другой болезнью – корью, потому рассмотрению и заключению он не подлежит, и мы его оставляем. На диаграмме усматривается следующее:

1. С 1774 года по 1800 год включительно мы видим, что эпидемические годы (означенные восходящими темными столбцами) чередуются через каждые 4 года и каждая эпидемия продолжается по 3 года, причем средний столбец этих 3-х годов по смертности наибольший. Всех таковых эпидемических трехлетий пять.

Самая сильная эпидемия оспы была в 1779 г., достигшая наивысшей в Швеции смертности – 7200 на 1 000 000 населения (что многие авторы приписывают усердно применявшейся в то время инокуляции). Следующие 4 эпидемии достигали:

Годов: 1784.....	5800 умерших на 1 000 000
1798.....	3150 – //– //–
1794.....	1780 – //– //–
1800.....	5110 – //– //–

2. Неэпидемические (промежуточные) – спорадические годы в этой четверти XVIII столетия (с 1774 по 1800 год) не оставались свободными, но отличались от предыдущих эпидемических годов только гораздо меньшей болезненностью и очень различной смертностью. Смертность была:

В 1774 году..... 1030 на 1 000 000

В 1775 году..... 620

В 1780 году..... 700

В 1786 году..... 300

В 1797 году..... 580

3. Последняя в XVIII веке трехлетняя эпидемия была на границе XIX столетия:

1799 год дал смертности 1600 человек;

1800 – //– 5100 – //–

1801 – //– 2540 – //–

С 1802 года смертность упала на 620, после этого последовали как бы благополучные года, безэпидемийные: в 1822 году смертность 0; эпидемий в следующих годах как бы не было, и смертность держалась низкой (20, 210, 430, 210, 200, 80, 20, 30, 200, 380, 330, 150, 50, 100, 575, 600, 200, 70, 20), затем 5 лет (1843, 1844, 1845, 1846 и 1847), когда смертность низошла до 0.

В 1851 году смертность повысилась (как бы эпидемия) = 700, затем вновь понижения = 400, 80, 50.

Таблица оканчивается 1855 годом со смертностью 20.

Из этого описания оспенных эпидемий XVIII столетия и продолжения их в XIX веке мы видим, как велика их разница: настали сравнительно как бы благополучные годы.

Вот это-то улучшение оспопрививатели не замедлили отнести к благотворному влиянию оспопрививания. Такое заключение, однако же, неразумное и непоследовательное: явное ослабление оспенных эпидемий проявилось в 1802 году, когда оспопрививание в Швеции еще только вводилось. По свидетельству самого Г. Саймона (H. Simon), автора листов смертности от оспы в Швеции, по которым составлена вышеприведенная диаграмма и которые напечатаны в официальном отчете Королевского статистического бюро, видно, что в 1800 году в Швеции не было еще ни одного вакцинированного; в 1801 году (стр. 327 отчета) во всей Швеции было только два привитых – один в Malmö, вакцинированный 23 ноября, и один в Стокгольме, вакцинированный 17 декабря; тем не менее, смертность от оспы уже низошла до половины предыдущего года. В 1802 году число привитых едва достигало 0,1 %, и эта минимальная частица должна была (по мнению оспопрививателей) предохранить все остальное (99,9 %) население Швеции!¹⁰ Правительство ускорило всеми мерами введение нового безопасного способа оспопрививания, оповещая земских начальников, пасторов, сельских врачей и жителей городов, и оно развивалось быстро, но в 1805 году к маю месяцу по официальным документам вакцинированных в Швеции было только около 25 000¹¹, ко-

---

¹⁰ Л. Е. Бразоль «Дженнеризм и пастеризм», 1855, стр. 51.

¹¹ Denkschrift «Blattern und Schutzpockenimpfung» 3. Auflage. 1900, издание берлинского Gesundheitsamt. стр. 31.

которые будто бы охранили от заболевания оспой трехмиллионное (в тогдашнее время) население всей Швеции, и все-таки смертность в этом году (означенная в диаграмме) равнялась 450 (на 1 000 000 населения). Но мы видели, что и в XVIII веке в 1786 году смертность была еще меньшая – 300 (на миллион). Уже приведенные соображения, на основании официальных фактов, показывают полную непоследовательность суждения приверженцев оспопрививания. Дальнейшие колебания оспенных эпидемий последующих годов XIX столетия при параллельном рассмотрении их, с безостановочно все возрастающим применением дженнеровской санитарной меры, убеждают нас еще более, что оба явления не стоят ни в какой причинной связи. Таковую сравнительную таблицу ходу эпидемий и прогрессивного развития оспопрививания в Швеции за 75 лет XIX столетия, взятую из сочинения прирейнского врача Бёинга (Böing «Thatsachen zur Pocken und Impffrage», Leipzig, 1882, стр. 38), представляем вниманию читателя.

Смертность от оспы в Швеции с 1800 по 1875 годы

Смертность		Оспопрививание	
Годы	На 1 000 000 населения	Годы	Привитых на 1000 жителей
1800	5100	-	-
1801	2500	-	-
1802 - 1806	450 - 600	1804	10
1807 - 1809	750 - 1000	-	-
1810 - 1818	350 - 400	1810	50
1819 - 1821	50	1820	237
1822	0	-	-
1823	25	-	-
1824 - 1827	200 - 400	-	-
1828 - 1830	25 - 75	1830	434
1831 - 1834	200 - 350	-	-
1835 - 1837	75 - 150	-	-
1838	575	-	-
1839	600	-	-
1840	200	1840	590
1841 - 1842	50 - 75	-	-
1843 - 1847	0	-	-
1848 - 1849	50 - 100	-	-
1850 - 1856	14 - 75	1850	730
1857 - 1860	152 - 381	1860	861
1861 - 1863	40 - 80	-	-
1864 - 1870	180 - 350	1870	937
1871 - 1872	80	-	-
1873	260	-	-
1874	960	1874	970
1875	480	-	-

Из таблицы этой видно, что вакцинация прогрессивно, с каждым годом, увеличивается, а смертность весьма различная – от 5100 (1800) до 0 (1822) и потом вновь до 600 (1839) и опять до 0. В 1852 году смертность поднялась вновь до 700, а в 1874 до 960, несмотря на вакцинацию 970 на 1000 населения.

Мы видим, что и в XIX столетии колебания смертности весьма значительны, несмотря на то, что число привитых в населении Швеции в 1874 году достигло уже 97 % жителей.

Мы увидим ниже, что в эпидемию 70-х годов в других государствах Европы умерло гораздо большее число жителей, чем в Швеции.

Санитарная мера не выполнила вовсе возложенных на нее надежд, а между тем в Германии уже в 1802 году появилось сочинение Геккера в Эрфурте с громким заглавием «Эпидемии оспы уничтожены» (*Die Pocken sind ausgerottet*)!¹²

Причины ослабления оспенных эпидемий лежат глубже – в изменении самой жизни человека (как мы это увидим), но оспопрививатели, исповедующие вакцинацию как святую истину, отличаясь нетерпимостью, при заявлении кем-либо такого еретического, противного их культу мнения, с изумлением и горячностью, как бы глубоко уязвленные, спрашивают: а от чего же другого могло произойти столь явное улучшение страшных оспенных эпидемий XVII и XVIII столе-

---

¹² В. Н. Рейтц «Критический взгляд на оспопрививание» 1883, стр. 67.

тий?

Оспу они выделяют изо всех прочих болезней, как бы совсем отдельно в природе стоящую, не подлежащую никаким общим с другими влияниям и условиям. И им не приходит на мысль вопрос, удержались ли в XIX веке многие и другие поварьные болезни, которые в XVII и XVIII веках уносили столько же и даже больше, чем оспа, человеческих жертв. В наше время этих болезней иных совсем нет, другие совершенно изменились, потеряли свою злокачественность и это совершилось без всяких предохранительных прививок!

Факт уменьшения, ослабления всех эпидемических болезней вообще в самом начале XIX века засвидетельствован в летописях всех народов, в исторических сочинениях известных авторов, в историях медицины и историях эпидемических болезней:

Гезер в своем знаменитом сочинении «Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten», изд. 1882 г., в 3-м томе на стр. 956, пишет:

«Всеобщее и радостное явление в истории эпидемий, это постоянное, хотя и медленное ослабление их губительного свойства в XIX столетии... Это неоспоримо наставшее уменьшение и ослабление всех эпидемических болезней произошло, главным образом, прогрессивным движением культуры, с которой вместе население приобрело и большую силу противодействия: по всей Европе осушались болота, возделывалась почва, улучшались системы построек: исчез-

ли эпидемии чумы, злокачественные лихорадки, кровавые поносы и брюшные тифы; что же касается сыпного тифа и оспы, то об уменьшении их нечего и говорить».

По отношению к рассматриваемому нами вопросу читатель благоволит просмотреть некоторые страницы из выше упомянутого уже нами сочинения «Чудесный век» А. Р. Уоллеса, которые служат дополнением к сказанному Гезером вообще. Автор, говоря о том же предмете, хочет поставить на вид читателю, в каких крайне тяжелых, неблагоприятных санитарных условиях был всемирный город Лондон в начале XVIII столетия, и какие существенные изменения к улучшению жизни в нем населения произошли в течение 2-й половины XVIII и начала XIX века. Мы вкратце только изложим описанное им.

В приложении к излагаемой им статьи (на странице 258 русского перевода «Век чудес») он пишет:

«В начале XVIII столетия Лондон был страшно перенаселен и грязен. Дома были малы, низки и почти все имели сточные ямы сзади или под собой. Улицы были узки, из них только главные проезды были вымощены. Помои, всякие отбросы и мусор вываливались на улице по ночам и только более широкие улицы чистились... Лондонские дороги в предместье города были опасны и в дурную погоду по грязи непроходимы; только по краям больших дорог были пешеходные тропинки...

Многочисленные маленькие речки, протекавшие с север-

ных высот через Лондон, служившие раньше источниками доставки чистой воды, сделались нездоровыми стоками и были от зловония покрыты деревянными сводами. В Лондоне было и много колодцев для питья, но в них просачивались стоки помойных ям, и вода их вызывала смертность от чумы и лихорадок...

Образ жизни обитателей Лондона был самый печальный. Дома были часто ниже уровня почвы и очень малы, свет и воздух были заслонены свешивавшимися с верхних этажей громадными вывесками... Все дома и лавки были наполнены вредными испарениями, что благоприятствовало развитию заразных болезней и причиняло страшную смертность населения, особенно детей. На кладбищах не хватало мест для зарытия трупов и их зарывали очень поверхностно.

Понижению общего здоровья способствовала пища, потреблявшаяся низшим и средним классами. За недостатком хороших дорог не было возможности в течение всего года снабжать свежей пищей обширное население Лондона, и соленое мясо с соленой рыбой служили зимой обыденной пищей. Свежей зелени тоже не доставлялось.

Вследствие такого питания было сильное распространение цинги. По словам Чейна (Cheyne) в 1724 году, „не было в Англии хронической болезни более обыкновенной, более упорной и более пагубной, как цинга“. И это продолжалось до 1783 года, по свидетельству доктора Бьюкана (Buchan).

В течение многих десятилетий XVIII века нездоровые

условия жизни населения улучшались очень медленно и частично.

Действия городского управления, приведшие к поразительному улучшению жизни в конце XVIII столетия, в главных чертах были следующие:

1. В течение последней половины XVIII века весь город был вымощен гранитными плитами, проложены были подземные трубы и улучшено водоснабжение.

2. В 1785 году почти все дома Сити (центр города) были перестроены; улицы были расширены, вследствие чего получился большой доступ света и воздуха... Вокруг всего Лондона застраивались пустыри, и жители стали жить в этих предместьях, сохраняя городские дома только для торговых помещений или контор.

3. Железо все более заменяло дерево, проложены были водопроводные трубы и целые системы водостоков.

4. В то же время началось улучшение дорог, в связи с введением общественных экипажей (дилижансов).

5. Улучшение дорог отразилось на расширении границ жилищных занятых в городе людей и в то же время облегчило возможность постоянного снабжения города свежей пищей (1784 год). В 1801 году Лондон увеличился пространством почти на 50 %, тогда как население мало прибавлялось. Масса народа расселилась по предместьям и в 1821 году вся эта огромная площадь была не густо населена и насчитывала едва один миллион жителей, наслаждавшихся по-

лудеревенской жизнью... Рассеяние скученного в городе населения оказалось весьма благотворным в санитарном отношении и сейчас же выразилось сильным понижением смертности как вообще, так и заразных болезней в особенности.

6. Другое важное обстоятельство, повлиявшее на улучшение народного здоровья, была перемена в образе питания: картофель, чай, кофе, свежие овощи, фрукты, молоко, сахар и свежее мясо заменили однообразную пищу и навсегда прогнали цингу, существование которой влияло, без сомнения, на роковой исход других болезней».

Вышеизложенным мы разъяснили до очевидности совершенную безосновательность общераспространенного мнения о том, что уменьшение смертности и ослабление злокачественных оспенных эпидемий XVIII столетия находится в каком-то отношении с прививками Дженнера. Благоприятные условия к уменьшению эпидемий и к оздоровлению народонаселения Швеции начались (как мы видели по диаграмме) еще с 1774 года и, улучшаясь постепенно, в 1802 году дали результат всем видимый. Мнение Гезера, выраженное в общем для всех государств, иллюстрируется Уоллесом наглядно на Лондоне. Ко всему этому мы приглашаем читателя взглянуть на таблицы, приложенные в конце сочинения упомянутого автора. Большая часть их представляет *кривые* эпидемий вообще инфекционных болезней и отдельно *кривые* оспенных эпидемий. Эти последние почти параллельно совпадают во всех повышениях и понижениях с первыми.

Таковые же или подобные описанным в Лондоне улучшения с целью оздоровления условий жизни населения в течение упомянутого времени последовали и в других европейских городах. Несмотря на разъяснение до очевидности всего этого вопроса (ослабления оспенных эпидемий), члены Королевской комиссии в Лондоне и теперь не допускают того, чтобы оспа могла быть приравнена ко всем прочим заразным болезням. Этим они только иллюстрируют свою «курьезную неспособность» (Уоллес), иначе сказать, свое тупоумие в размышлении об этом вопросе. В этом случае они разделяют общую участь с большинством наших современных первоклассных ученых... Такое затемнение стольких великих светил науки, как Роберт Кох, Рудольф Вирхов, Макс Петтенкофер и др., и наших высокопочтенных учителей, как Пирогов, Здекауер, Экк и другие, можно только объяснить унаследованным верованием, всосанным с молоком: вопросы, касающиеся оспопрививания, фиксированы в них неприкосновенными, как бы заслоненные, окутанные непроницаемым густым вуалем наследственного векового гипноза!

2. По второму вопросу о смягченной и безвредной оспе Дженнера остается сказать немного

Как уже разъяснено было в первой главе, ныне прививаемая т. н. коровья оспа есть та же человеческая, в прежнее

время случайно вызываемая больными доильщицами на сосцах и на вымени коровы, а ныне снимаемая с детских ручек или с подобных оспенным прыщей, искусственно вызванных на теленке. По изменении в XIX веке характера самих эпидемий, и прививки оспы потеряли свою прежнюю злокачественность и сделались, по сравнению с прежними (инокулированными) в XVIII веке, доброкачественными. В этом смысле мы можем считать ныне прививаемую оспу смягченной, менее вредной относительно силы оспенного яда.

С 20-х годов XIX века (как мы видели) стали разыскивать самородную коровью оспу, но таковой за несуществованием ее в природе найти не могли; тогда стали делать попытки вызвать ее на корове прививкой с детских ручек, чтобы хотя искусственно воспроизвести на вымени коровы выращенную оспу, для привития потом детям (*retrovaccinatio*). Такие манипуляции, однако же, с больным животным, как мы уже видели, очень затруднительны, и притом корова всегда нужна для молока, потому человеческую оспу стали разводить на телятах и получали прыщи, имеющие подобие оспенных. Затем, так как этим способом (*retrovaccinatio*) никакого освежения, улучшения качества прививаемой оспы не замечалось, а были нередко более сильные воспалительные явления по привитии детям и иногда опасные заболевания и случаи смерти, то телячья оспа была забракована и возвратились вновь к привитию с ручки на ручку. Позднее уже, когда стало вполне известно врачам и признан был даже оспоприви-

вателями (в 60-х и 70-х годах XIX столетия) перенос сифилиса, тогда стали разводить искусственно оспенные прыщи на обритом от волос животе телят, и оттуда уже прививали детям. Такие прививки признаются обеспечивающими от сифилиса, но смягченными их никто не может считать.

Смягчение вирулентности какого-либо животного яда, как мы знаем из новейшей литературы по опытам Пастера и Коха, таким путем не достигается, оно получается действием тепла и кислорода воздуха.

Дженнеровская т. н. коровья оспа может быть названа смягченной не потому, что она пропущена через организм телят (от этого напротив она получила нежелательные качества – непостоянство в действии, слишком сильные воспалительные местные и общие явления или неуспешное привитие), а потому, что она по сравнению с прежней оспой (инокулированной, XVIII столетия) более слабая, так как сила, злокачественность оспы в XIX столетии ослабела. Сила эпидемии всякой болезни подвержена многочисленным изменениям, и одна оспа может быть на другую непохожей.

Этим мы оканчиваем рассмотрение вопроса, насколько мы обязаны Дженнеру нашим настоящим благополучием...

IV

Перейдем к описанию дальнейшей счастливой судьбы дженнеровской прививки. Принятая всеми государствами как драгоценное открытие, она применяется нерушимо уже целое столетие. Пора однако же, давно уже пора дать ответ в том, что было сделано, подвести итоги всего столетия: оспа до сих пор не уничтожена и от нее и по сие время умирают люди привитые и не привитые по-видимому одинаково, без всякого различия и в иные годы, по сравнению, ничуть не менее, чем в XVIII веке.

По мере всё большего распространения новой санитарной меры всё более встречались и случаи заболеваний натуральной оспой и случаи смерти привитых. Тогда поднят был вопрос о том, что прививки не предохраняют на долгие годы и поэтому необходимо повторять их, и только вопрос был о том, в какие сроки производить вторичную прививку оспы.

Срок предохранительного действия сначала принят был произвольно в 20 лет, потом 15, затем потребовались еще более кратчайшие сроки в 10 лет, а потом очевидные факты по необходимости заставили низойти и до 5-ти лет¹³.

Во многих государствах, где оспопрививание всех родившихся детей уже признано было обязательным, вторичное

---

¹³ Kolb «Zur Impffrage», стр. 41.

прививание (revaccinatio) признано было тоже таковым. Относительно ревакцинации, однако же, выводы доктора Архангельского на основании большого числа наблюдений, а именно 22 411 вакцинированных и 20 177 ревакцинированных (в эпидемию 70-х годов), показали, что успех ревакцинации с возрастом вообще утрачивается, так что в сорокалетнем возрасте восприимчивость к ревакцинации почти совершенно исчезает¹⁴.

Наблюдения доктора Клесса в Вюртемберге с 1854 по 1868 годы показали, что успех ревакцинации в различных возрастах различный: 1) самая большая восприимчивость к ревакцинации замечается в возрасте от 14 до 22 лет; 2) в следующее за сим десятилетие восприимчивость все уменьшается, но к старости вновь возрастает, даже повторное привитие в возрасте 70–80 лет может быть успешным; 3) ревакцинация во 2-м периоде детского возраста, от 5 до 10 лет, часто бывает успешной, между тем как заболевание натуральной оспой в этом возрасте наблюдаемо было как редкость – такие явления показывают, что восприимчивость к принятию вакцины и к заражению оспой совсем неодинаковы!¹⁵

Факты заболевания оспой вторично привитых появлялись все чаще и чаще во время оспенных эпидемий; вторичное привитие вакцины оказалось также недостаточным и пове-

---

¹⁴ Сборник сочинений изд. Мед. департаментов 1872. т. 2. «Ревакцинация и оспенная эпидемия». С.-Петербург.

¹⁵ G. Cless «Impfung und Pocken in Württemberg» 1871.

ло к третичному и еще более частому привитию, так что в настоящее время выработалось воззрение, что при появлении оспенной эпидемии необходимо, не доверяя прежним привитиям, снова привить оспу... Через новое привитие (по словам оспопрививателей) уничтожается всякая возможность заболевания (при наступлении новой эпидемии) и потому этими мерами, по мнению их, можно в самом начале прекратить всякую оспенную эпидемию (Рейтц «Критический взгляд», стр. 29). Эти повторные, третичные и прочие прививки оспы напоминают сцену одной из комедий Мольера: экзаменующийся докторант, спрошенный профессором, что он должен делать, в случае если не помогают ни кровопускание, ни слабительные, ни клистиры, отвечает: ресеньяре, репургаре, ре-клистериум донаре¹⁶.

Но и столь учащенные прививки оказались не выполнившими ожиданий, тогда приверженцы оспопрививания измыслили еще новое средство сделать действие прививок более сильным и более продолжительным прививкой не на одной руке и не по одному уколу или надрезу, а на обеих руках многими уколами или надрезами. И вот бедным беззащитным (от глупости людской) детям стали наносить поражения на обеих руках, сначала в 3-х, а затем в 4-х и в 6-ти пунктах на каждой. Столь значительные повреждения, наносимые слабому организму младенца, имели результатом

---

¹⁶ Повторные кровопускания, повторные слабительные, повторная дача клистиров.

учащение и усиление рожистых процессов, флегмозных воспалений и гангрены со смертными исходами. В берлинской медицинской еженедельной газете (Berlin. Klin. Wochensch. № 48, 1871) напечатана была статья директора оспенной больницы Святого Лазаря в Берлине доктора Альбу («Ueber 500 Vaccinationen und deren Folgen»), в которой он говорит, что из 500 детей, по-видимому совершенно здоровых, только 86 перенесли вакцинацию без видимого вреда, все же остальные 414 детей заболели еще до отпадения вакцинных струпуев. В продолжение первого года из них умерло 103¹⁷.

Несостоятельность дженнеровской прививки как санитарной меры по отношению к оспе сделалась очевидной. Для поддержания оспопрививания осталось одно средство – статистика, и оспопрививатели еще более усердно стали собирать свой числовой материал, но какая это была статистика людей, не имевших понятия о ценности больших чисел, несведущих в этой математической области теорий вероятностей. Сравнивали разнородные величины, отмечались голые числа под двумя рубриками привитых и не привитых, без всякого отношения к возрасту, полу, роду занятий и прочим условиям жизни, не принимали во внимание ни климата, ни периода временных общественных потрясений (как войны и т. п.), да еще все это с предвзятой мыслью и полной уверенностью, что труды их увенчаются успехом, и они зажмут рот дерзким еретикам, позорящим столь неприкосно-

---

¹⁷ В. Н. Рейтц «Критический взгляд на оспопрививание», 1873, стр. 9.

венную святыню. При этом они не стеснялись и своими действиями умалчивали о том, что противоречило их расчетам – так, показываемые ими непривитые умершие были большей частью дети первого возраста, подверженные огромной смертности, которым частью по слабости здоровья и не прививали оспы¹⁸. Они злоупотребляли не только умалчиванием, но не стеснялись изменять целые группы чисел цитируемых ими авторов. Так, в диссертации нашего соотечественника докторанта Веревкина «История оспы в России» на стр. 65 «вкралась» (как деликатно выразился профессор Рейтц в своем сочинении «Критический взгляд на оспопрививание», стр. 31) «непозволительные опечатки». Цитируя из работ Бульмеринка (Vulmerincq) число заболевших оспой в венских больницах, им напечатаны цифры невакцинированных вместо цифр вакцинированных и наоборот: у Бульмеринка сказано, что из 3 191 всех оспенных больных в венской больнице (Allgem. Krankenhaus) было вакцинированных 2 837 (8/9), а невакцинированных только 354 (1/9), а по автору наоборот: 2 837 невакцинированных, а 354 вакцинированных. Такая же опечатка вкралась и в цитированном автором отчете другой венской больницы – Виден (Wieden). Подобная же опечатка в пользу оспопрививания вкралась и в сочинении профессора Куссмауля (стр. 70): вместо числа 13 364 из сочинения Cless'a (стр. 60) написано 23 364.

---

¹⁸ Об этих злоупотреблениях см. брошюру В. Н. Рейтца «По поводу обязательного оспопрививания», 1876, стр. 20.

Статистика приверженцев оспопрививания всегда во всех государствах была покровительствуема правящими властями и всеми больничными начальствами.

«В Германии и Англии справки и формальные дознания обнаружили уже немалое число случаев, в которых успешно привитые, умиравшие от оспы, заносились в рубрику не привитых: доктор Ойдман (Oidtmann) представил фотографические снимки с большого числа оспенных листов (Urpockenlisten) в их оригинале; почти все носили следы поправок: на листах умерших от оспы, где первоначальная пометка была „привит“, прибавлено „не“ (непривит). После многих таких изобличений, причинявших много толков, было отказано противникам оспопрививания в проверке оспенных скорбных листов»¹⁹.

Несмотря на частые повторные прививки и на многочисленные уколы, привитые продолжали болеть так же, как и непривитые, тогда признано было, что непривитыми только и поддерживались оспенные эпидемии. С них будто бы начинается всякая эпидемия и затем уже заболевания становятся очагами ее распространения, потому прививки должны быть обязательны для всего населения. В 1882 году вышло сочинение доктора Бёинга «Thatsachen zur Pocken und Impffrage». Сочинение это, немало удивившее защитников оспопрививания, написано врачом города Урдингена (Uerdingen) на Рейне, специально занимавшимся вакцинацией населения.

---

¹⁹ Л. Е. Бразоль «Мнимая польза оспопрививания», 1884, стр. 37.

Исследование было предпринято с целью выяснить пользу оспопрививания, но выводы оказались не соответствующими желанию и поколебали его убеждение. Им собраны были самые точные сведения за эпидемию 1871 года о семи прирейнских городах – Uerdingen, Lank, Osterath и Crefeld, первые с малочисленным населением (3000–4000), последний имеет до 60 000 жителей.

Сведения поставлены по возрастам от 0 до 80 лет и вычислено количество дней болезни привитых и непривитых, также и число умерших каждой группы. Выводы получились следующие:

1. Эпидемия во всех упомянутых местностях начиналась с привитых (что вполне понятно, так как привитых 98–99 %). В каждом месте, на каждой улице мы наблюдали, что заболели прежде привитые взрослые, а затем уже, иногда через месяц, заражались непривитые и младенцы.

2. Процент заболевания и смертности привитых и непривитых не представлял различия.

3. Учение, что привитые переносят легче болезнь, не подтвердилось: часто они погибали в несколько дней и выздоровевших привитых болезнь была не менее продолжительна, чем непривитых.

Мы видим из этой работы врача Бёинга, насколько справедливы тенденциозные предположения, что оспенные эпидемии начинаются всегда с непривитых! Эти произвольные вымыслы поклонников оспопрививания имели всегда во

всех государствах поддержку высшей медицинской администрации и привели во многих из них к установлению правил обязательной прививки оспы административно или законом. Эта насильственная мера введена была в следующих государствах: в Баварии в 1807 году, в Швеции – 1816, в Пруссии – 1820, в Ганноверском королевстве – 1837, в Баденском герцогстве – 1841, в Англии – 1853, в Шотландии и Ирландии – 1863, в Венгрии – 1881, в Италии – 1888, в Португалии – 1899, в Швейцарии она существовала недолго и была отменена в 1883 г. Позднее во всех этих государствах были признаны обязательными и ревакцинации. Наше государство сохранило себя от этого зла. Наше высшее медицинское ведомство, хотя и находилось под влиянием господствующего мнения, но всегда оберегало себя от ошибок приглашением в Медицинский совет компетентных лиц, прежде чем приступить к действию по какому-либо возникшему вопросу; так мы избавились от обязательного оспопрививания в 1875 году²⁰, навязываемого нам как примером многих иностранных государств, так и нашими ревнителями оспопрививания. Отчеты Медицинского департамента, на основании доставляемых ему сведений со всей России, пишутся тоже беспристрастно, не умалчивая ни о чем. Образчиком тому могут служить следующие строки в отчете Медицинского департамента 1884 года, стр. 31:

---

²⁰ «Правительственный вестник» 1875, 29 ноября, № 267. Статья доктора Снигирева против обязательного оспопрививания.

«Сектанты везде одинаково сопротивляются оспопрививанию, а между тем они страдают от оспы не только не больше, а даже в некоторых губерниях и в известные годы гораздо меньше, сравнительно с остальным населением».

По этому же самому вопросу рекомендуем читателям взглянуть в главу IV в отдел по оспопрививанию сочинения Р. Уоллеса, озаглавленную «Два больших опыта, говорящих решительно против вакцинации» (стр. 223 русского перевода «Век чудес»), где приведена статистика смертности от оспы в г. Лейчестер, в котором уже более 20-ти лет оставлено совершенно привитие оспы.

Все дело оспопрививания основано было с самого начала до нынешнего дня на статистике. Во все года, начиная с самых первых годов при жизни еще Дженнера, печатались наблюдения, беспристрастно собранные в различных больницах, госпиталях и клиниках различных государств, в правильности которых мы не имеем никаких причин сомневаться. Ими опровергается непосредственно вся статистика оспопрививателей. Таковые наблюдения за последующие десятилетия до начала 70-х годов, рассеянные в различных иностранных журналах, собраны наиболее полно в нашей русской литературе в сочинении главного врача Елизаветинской детской больницы профессора В. Н. Рейтца «Критический взгляд на оспопрививание», 1873. Интересующемуся этим собранным материалом читателю мы предпочитаем рекомендовать обратиться прямо к оригиналу, прочитать

немногие страницы этого превосходного сочинения.

Наблюдения заболеваний оспой вакцинированных имели большой вес в первое десятилетие XIX века как прямые доказательства против предохранительной силы оспопрививания, но в последующие десятилетия, по мере все более в населении возраставшего числа привитых, и заболевания их становились все более частыми, так что в 70-х годах, когда процент привитых достигал 98 и более, в отчетах нередко встречается, что все заболевшие оспой были привитые, непривитые же оставались все здоровыми. Явление это зависит от закона больших чисел. Вопрос о количестве заболевших и умерших привитых и непривитых пережил свое время, так как теперь в государствах, где принято обязательное оспопрививание, почти нет непривитых. Обратимся к мнениям компетентных лиц о пользе оспопрививания. Д-р Снигирев в своей «Записке об оспопрививании» по случаю вопроса в 1875 году об обязательном оспопрививании, говорит следующее: «Уже три четверти века, как практикуется оспопрививание, и тем не менее до сего времени оно остается не более как вопросом... Вечно юный и вечно неразрешенный вопрос снова встал, когда оспенные эпидемии последнего времени обратили на него внимание. Доверие общества к предохранительной силе оспопрививания явилось поколебленным... Изумленное и обманутое в своих надеждах, обращаясь к врачам, оно слышало от них одно, что мера эта требует повторения, и повторения чуть ли не бесконеч-

ного: вакцинация, ревакцинация, повторная ревакцинация и наконец привитие при появлении каждой эпидемии. Те, которые прослыли авторитетами в этом деле, мало приложили старания, чтобы вопрос этот перенести на объективную научную почву. Положение таково, что надо было принимать на веру, а между тем при первом столкновении с действительностью все принятие на веру оказывалось призраком»²¹.

Эпидемия 70-х годов удивила всех своей небывалой еще в XIX веке силой. С 1868 по 1875 год эпидемия эта прошла по всем государствам, по всем странам света. Она не обошлась милостиво с теми государствами, где введена обязательная строжайшая вакцинация и не обрушилась всей своей тяжестью на те, где она не была введена: в Пруссии в 1871 году умерло от оспы 59 778 человек, а в следующем 1872-м – 63 960; за 2 года – 123 738 (около 0,2 % населения), в Англии – 23 126 (т. е. около 0,1 %), в Баварии – 4 784 (0,1 %), тогда как в Североамериканских Штатах, где нет обязательного оспопрививания, в эпидемию 1870 года при населении 37 000 000 умерло от оспы всего только 4507 (~0,01 %)²².

Поименованные государства – Пруссия, Англия и Бавария, строжайше выполнявшие закон обязательного оспопри-

---

²¹ «Правительственный вестник» 1875 г. от 29 ноября № 276.

²² A. Vogt E. I. «Für und wider Impfung» стр. 150 и 214. Смертность в Пруссии в 1871 и 1872 годах (по числу жителей в эти годы 24 600 000) вычислена мною согласно означенной смертности в эту эпидемию 243 и 260 на 100 000 населения, в таблице 1-й «Denkschrift» 1900 г., изданной берлинским санитарным бюро Gesundheitsamt.

вивания, достигли того, что непривитых среди их населения почти не было, потому означенные здесь большие числа умерших составились почти всецело из привитых. Эпидемия 70-х годов блестящим образом подтвердила полнейшую несостоятельность дженнеровской санитарной меры, на которую указывали добросовестные врачи в первое десятилетие ее возникновения. Не на то же ли самое указывали все напрасные повторные вакцинации и ревакцинации, многочисленные уколы и строго обязательные законы? Тем не менее эта оказавшая вполне негодной мера прошла нерушимо 3/4 столетия вплоть до 70-х годов, и возникшая в эти годы грозная эпидемия, уложившая стольких вакцинованных, не образумила ослепленных фанатиков, которые, с еще большим озлоблением сплотившись, составили деятельное противодействие к поддержанию упавшей во мнении всех вакцинации и вызвали новый строжайший закон. Большинство врачей приложило к тому все свои старания и вместо того, чтобы отменить совсем негодную меру, создается новый закон усиленной прививки для всей Германии, и 8 апреля 1874 года он получает санкцию утверждения рейхстагом, но в литературе однако же имеется сведение, что закон этот не прошел бы в парламенте, если бы проведение его не было подкреплено формальным письменным заявлением ученой депутации от компетентных авторитетов, «что привитие оспы не представляет собой никакой опасности ни для жизни, ни

для здоровья прививаемого»²³. Все осталось как было до наших дней, и вот высшее медицинское санитарное учреждение (Gesundheitsamt), во главе которого стоит знаменитый ученый Роберт Кох, в издании своего отчета по отделу оспопрививания под заглавием «Denkschrift» в 1900 году представило диаграммы, по которым (на таблице № 1) видно, что после этого закона оспа с 1875 по 1898 год (23 года) как бы перестала существовать в Пруссии, и эта светлая полоса свободных от оспы годов блистает в глазах всех рассматривающих эту диаграмму как светлый мираж или призрак, осеменяющий благословенную дженнеровскую прививку! Но мы видим вместе с тем, что это падение смертности произошло уже слишком скоро по отношению к введенной правительством мере, о применении которой еще не успели войти в силу распоряжения по всей стране, и невольно вытекает предположение, что она была следствием какой-либо другой причины.

Затем, само собой возникает вопрос: как от прививок могла случиться такая перемена? Мы знаем, что понудительные прививки оспы в Пруссии существовали уже многие десятилетия и были бессильны предупредить эпидемию 70-х годов и защитить почти все привитое население, почему же теперь такая же мера вдруг оказала столь благотворное действие?! Качество прививаемого заразного вещества не изменилось:

---

²³ Н. Büning «Neue Untersuchungen zur Pocken- und Impffrage» Berlin 1898 г., стр. 174.

как прежде, так и теперь прививается все та же телячья лимфа. Очевидно, тут есть какое-то недоразумение, и остается одно предположение: после большой эпидемической смертности наступили благополучные годы, и в особенности это проявилось в Пруссии. Упомянутая «Denkschrift» содержит в себе много диаграмм, сравнительных по силе проявления смертности от оспы в государствах без обязательной прививки (Австрии, Франции, Бельгии, России...) и с обязательной прививкой, и сравнение это выходит в пользу последних; и вот другой, удивительный мираж в защиту принудительных прививок; откуда он, мы не знаем.

Однако в этом же сочинении по выставленным под каждым годом числам смертности в различных государствах мы усматриваем, что в Берлине умерло: в 1871 году 623,6 (на 100 000 жителей), тогда как в столицах без обязательных прививок смертность была не только не более, но даже и менее: в Вене умерло 526,9 (в 1873 году), в Париже 521,2 (1870), в Праге – 396,5 (1872)... Потому нужно предполагать, что обязательные прививки во время эпидемии, когда сила заражения, а с ней и опасность заболеть и умереть наибольшая, не имеют никакого влияния, а действуют только в свободные от эпидемий годы!

Все эти вопросы едва ли разрешенные; они выступают как неуловимые призраки, а действительность, не сдвигаемая как огромная скала, торчит перед нашими глазами:

– в Пруссии в течение двух лет (1871 и 1872) умерло от

оспы 123 738 привитых, мнимо застрахованных от смерти!

Не могу не прибавить в оценку прославителя оспопрививания, так называемого «Denkschrift» издания 1900 года, что автор его (стр. 30), ратуя в защиту Дженнера, парадирует на все той же своей любимой лошадке, или лучше старой, давно уже заезженной негодной кляче, отстаивая мнение, что в 1802 году дженнеровской коровьей оспой сразу уничтожены все оспенные эпидемии XVIII века!

Этим мы оканчиваем статистический отдел и переходим к другому, в котором предстоит рассмотреть весьма печальный вопрос.

V

О случаях возможных вредностей при привитии оспы

Все вышеизложенное о мнимо санитарной мере, существующей ныне уже целое столетие, было бы просто забавно и смешно, если бы привитие оспы совершалось всегда благополучно и безвредно для здорового организма и если бы оно не нарушало спокойствия мирных жителей вообще во всех странах и в особенности в тех, где фанатизмом верующих, соединенным с умышленным профессиональным обманом врачей, вызван закон принудительной прививки, дающий право неизвестным им лицам врывать в среду семейной жизни и под страхом тюрьмы или тяжелого денежного взыскания вынуждать родителей отдавать их детей для поранения в руки всякого, часто невежественного, грязного оспопрививателя. Всем, как практически знакомым с делом оспопрививания, так и интересующимся этим предметом и следившим за его литературой, известно, что совсем нередко этой по-видимому ничтожной операцией может быть внесен и самым добросовестным и сведущим исполнителем этого дела случайный, непредвиденный вред. Привитие оспы равняется подкожному впрыскиванию. Уколом или надрезом вносится в кровь оспенное заразное вещество, ничем не га-

рантированное от примеси других, иногда еще и более вредных, отчего могут последовать опасные для здоровья скоротечные воспалительные процессы (рожа, флегмонозные нарывы, омертвения тканей – гангрена и т. п.), или же может быть внесена пожизненная порча соков здорового организма (сифилис, бугорчатка, золотуха и другие худосочия). Рассмотрим наиболее повторявшиеся заражения различными болезнями, отмеченные с 20-х годов XIX века в литературе и позднее, на наших глазах совершившиеся:

1. Скоротечные воспалительные процессы (рожа, флегмонозные опухоли, гангрена, чрезмерная лихорадка, опухоли лимфатических желез, злокачественное заражение крови и другие).

Профессор В. Н. Рейтц в упомянутом уже нами его сочинении (в 1873 году «Критический взгляд на оспопрививание»), говорит следующее (на стр. 7): во время его прикомандирования к С.-Петербургскому Воспитательному дому, присутствуя при вскрытиях, он с изумлением заметил, что бóльшая часть умерших младенцев были с вакцинными пустулами, а между тем оспа прививалась только здоровым детям. «Каким же образом, – говорит он, – эти дети, еще так недавно здоровые, появлялись на секционном столе?.. В числе болезненных изменений, служивших причиной их смерти, первое место занимали рожистые и флегмонозные процессы»...

Далее (на стр. 12) в сочинении В. Н. Рейтца приводится

следующее:

В отчете за 1864 год С.-Петербургского воспитательно-го дома, в отделе «Заболевания после оспопрививания», составленном добросовестно и научно доктором К. А. Раухфусом, видно, что число всех случаев заболеваний младенцев после привития оспы в 1864 году было 321, из них умерло 148; на таблице 12-й означены ближайшие причины их смерти:

Таблица № 12.

Болезни	Число заболевших	Число умерших
Рожа ползучая	92	62
Рожа ограниченная местом	64	13
Нарывы на местах прививок	37	17
Эритематозная сыпь	34	8
Флегмонозное рожистое воспаление	18	16
Гангрена кожи (омертвление)	13	12
Чрезмерное лихорадочное состояние	9	2
Ограниченная флегмона	11	2
Заражение крови	7	6
Воспалительные опухоли лимфатических желез	9	5
Розеола (сыпь)	8	2
Дифтерит на месте прививки	7	3
Итого:	321	148

В отчетах С.-Петербургского воспитательного дома за последующие годы, составленных преемниками К. А. Раухфуса докторами Боком (1865–1868) и Фребелиусом (1868–1871), к сожалению, мы не находим вовсе отдела о болезнях по-

сле привития оспы, как это велось в прежних отчетах. Из годовых ведомостей о болезнях грудных детей, в годах 1869, 1870 и 1871, мы узнаём только, что «заболевания рожей после привития оспы встречались столь же часто, как и прежде, и что рожей болели 275 детей, из которых умерло 92». Такое умалчивание истинной причины болезни и смерти детей, очевидно, совершалось умышленно, в пользу общераспространенного мнения о безвредности оспопрививания и в угоду правящих властей!

Незначительная смертность детей от рожистых процессов вслед за оспопрививанием и в Московском воспитательном доме, в официальном отчете за 1870 год, объясняется тем же замаскированием, скрыванием настоящей причины смерти. На странице 70 этого отчета, в обзоре анатомо-патологических вскрытий, в главе гнилокровие новорожденных означено 252 младенца. Причинами, вызвавшими эти смертельные исходы, показаны подкожные нарывы, но таковые у новорожденных вызываются обыкновенно оспопрививанием, о чем умалчивается.

В отчетах заграничных воспитательных домов (Findelanstalten) не существует вовсе отдела «После оспопрививания», но болезни эти там также существуют, как видно из работы Бульмеринка, указавшего на весь вред привития оспы в воспитательных домах.

(Bulmerincq: Die Verbreitung des Schutzpockenstoffes aus Findelanstalten 1862 и Das Gesetz der Schutzpocken-Impfung

im Koenigreich Bayern. Leipzig 1862).

Во «Враче» 1898 г. № 44, стр. 1019 напечатано было: «В Тамбовской губернии в Кирсановском уезде было 45 случаев рожи после оспопрививания».

«Уже достаточно велики цифры смертности, – говорит Рейтц, – показанные в вышеприведенных отчетах, чтобы понять, как небезвредно прививание „коровьей“ оспы и как неверно положение, что оспопрививание безопасно и никогда не служит причиной смерти».

Не только детские организмы, но и более крепкие взрослые не всегда выносят оспопрививание и умирают от развития флегмонозной и гангренозной рожи. Так, доктор Рейтер (ueber Zwangs Revaccination von D-r Reiter, München) описывает, что в Мюнхене при ревакцинации вновь пришедших солдат у 16-ти появилось рожистое воспаление, которое у 4-х окончилось смертью... Д-р Крюгуля (Vierteljahrschrift f. Dermat. u. Syphilis 1875 Heft I) сообщает, что в марте этого года 8 драгун были ревакцинированы лимфой, полученной из Венского Воспитательного дома: у 2-х она не принялась, у остальных же через 24 часа после привития появился озноб, лихорадочное состояние, упадок сил и бред. На 2-4-й день на местах привития появилось рожисто-флегмонозное воспаление, перешедшее у троих в гангрену: у первого замечалось обширное омертвление от плеча до локтя, у другого гангрена занимала всю внутреннюю поверхность плеча, у 3-го образовалось флегмонозное воспаление на обоих плечах с

гангреной кожи, закупоркой правой бедренной вены и гангреной этой ноги. В 4-м случае, в правой подмышечной области сформировался большой нарыв – все четверо умерли... у остальных двух флегмонозное воспаление окончилось выздоровлением²⁴.

Сэр Руссель Уоллес в сочинении своем, уже упомянутом не раз, «Век чудес» (русский перевод, стр. 187) пишет о правительственном отчете в Англии за 30 лет (1868–1898) и прибавляет, что он полон умышленных ошибок... Генрих Мей, медицинский санитарный надзиратель, о себе и прочих врачах откровенно говорит, что всякий из них, желая охранить оспопрививание от нареканий, всегда имеет к тому возможность поставить в списках случаи неблагоприятные, а тем более смертельные, в рубрики других болезней. Некоторые врачи заинтересованы в том лично. Доктор Карл Фокс, живущий в Кардифе, опубликовал 56 случаев болезней, последовавших за оспопрививанием, из которых 17 окончились смертью (Е. В. Ален, 1890 г.). Все эти случаи были исследованы им лично. Из оставшихся в живых многие были навсегда лишены здоровья. Если один врач мог записать (говорит доктор) так много страданий и болезней, которых привитие оспы было причиной, то как велико должно быть общее число незаписанных страданий во все столетие?

На стр. 191-й описывается случай весьма поучительный,

---

²⁴ Описание это взято из другого сочинения проф. Рейтца «По поводу обязательного оспопрививания», 1876, стр. 36.

взятый из 6-го отчета Королевской комиссии (стр. 128 этого отчета). Случай этот может служить иллюстрацией самого благополучного привития оспы.

Молодая особа 15-летнего возраста жила в Grove Park в Ливерпуле. По просьбе ее отца доктор Фома Скиннер произвел ей ревакцинацию; спрошенный об этом в комиссии (так как случай этот окончился неблагоприятно), д-р Скиннер отвечал:

«Это было в Ливерпуле в 1865 году. Тогда во время эпидемии я ревакцинировал всех девушек в воспитательном приюте на улице Myrtle (числом, полагаю, более 200). Отец упомянутой девушки был священником в этом приюте. Он выбрал с моего одобрения для снятия оспы одну молодую девушку, образец здоровья, с назревшими уже на 8-й день как нельзя лучше оспенными пузырьками. Совершенно прозрачная лимфа собрана была мной в стеклянную запаянную трубочку. На следующий день я посмотрел ее на свет и показал матери девушки, как совершенно прозрачна и однородна, как вода, была лимфа. На следующий день, 7-го марта 1865 г., я привил оспу дочери священника, ее матери и кухарке приюта. Все три операции совершились как нельзя лучше и на 8-й день у всех трех оспенные нарывчики назрели „как жемчужины росы на лепестке розы“, по выражению Дженнера. Последующие дни девица эта провела совершенно благополучно, в полном здоровье. Между 10-м и 11-м днем после прививки (т. е. 3 дня после того как пузырек

назрел и начал струпиться) ночью я был поспешно вызван к моей пациентке, которую нашел в жестоком ознобе, подобном тем ознобам, которые обыкновенно предшествуют или следуют за хирургической лихорадкой... Это было 18 марта. Через 8 дней затем моя больная умерла со всеми признаками сильнейшего заражения крови, каковое когда-либо в моей 45-летней непрерывной практике мне приходилось встретить. После озноба последовала острая форма воспаления брюшины с непрерывной рвотой и болью, которую невозможно было ничем успокоить. Затем следовал вновь озноб, липкая смертельная испарина с зловонным запахом, упадок сил, изнеможение и смерть 20 марта».

На вопрос комиссии: чему Вы приписываете смерть этой девушки? доктор Скиннер отвечал:

«Ничему другому, как оспопрививанию».

К этому же отделу острых воспалительных болезней упомянем о группе небольших, но очень неприятных и заразных болезней, которым иногда подвергаются прививаемые и окружающее их население:

1) В газете «Echo» 1885 г. № 159 от 18 сентября, напечатано:

«Уже несколько недель, как усиливается на острове Рюген кожная болезнь, которая произошла от привития оспы: сыпь на теле большими пузырями, которые наливаются, лопаются и из них вытекает то серозная, то гнойная жидкость. Это продолжается недели. Сыпь оставляет за собой

буро-красные мокнувшие струпии, величиной монеты 5 марок. По высыхании, после них остаются большие рубцы и пятно. У большей части опухают лимфатические железы. Высыпь эта не щадит ни одной части тела, но более поражаются ею: подбородок, затылок, ушные раковины и наружный слуховой проход, также ягодицы. Болезнь имеет эпидемический характер: по отчету Berl. Tageblatt, заболевают дети и взрослые; в некоторых семействах поражились все члены. Все население было очень встревожено; посланные на остров два врача по осмотре больных признали болезнь заразительной по имени *impetigo contagiosa* (гнойные заразные прыщи), происшедшей от оспопрививания».

2) В *Allgemeine medic. Centralzeitung* 1885 г. от 12 сентября напечатано:

В г. Wiek (возле Стральзунда) вслед за оспопрививанием, начиная с 17 июня 1885 г., развилась заразительная пузырьчатая сыпь (признанная врачами *remphigus contagiosus*). Заболело сначала 31 человек, потом еще 25 от заболевших заразились ходившие за ними, так что число всех заболевших возросло до 195 человек (дальнейшее описание отсутствует).

3) *München med. Wochenschrift* 1899 от 14 апреля № 15:

Мальчик I. H. 12 лет был приведен отцом в Гейдельбергскую клинику приходящих больных, причем отцом сообщено, что у него на теле сыпь, происшедшая от оспопрививания: он был ревакцинирован. Оспенные пустулы созрели и зажили правильно, но через несколько недель затем у него

на местах прививки появились лишай, которые от этих мест распространились по всему телу. Сыпь эта имела весь характер чешуйчатого лишая, называемого псориазис; сыпь эта упорная, хроническая. На левой руке у него в самой близи и в промежутках между рубцами от оспенных прыщей сыпь была величиной в монету пфенниг. Из расспросов отца узнано, что мальчик был прежде совершенно здоров и чист телом, и никто в семействе их, как и в восходящей линии, не страдал этой болезнью.

Таких случаев известно в литературе 14. Они описаны врачами Геллером, Розенталем и Пильсенем.

4) Во многих журналах описывались случаи разлитой по всему телу желтухи, следовавшие вслед за оспопрививанием. Таковые в 1885 году были описаны в журналах: 1) «Медицинское обозрение» No№ 4 и 14, 2) «Deutsche med. Wochenschrift» No№ 21 и 22, 3) «Allgemeine medic. Centralzeitung» от 12 сентября.

Читатель из этого описания видит, каким тягостным и многочисленным случайностям подвергается оспопрививаемый.

2. Болезни хронические (сифилис, бугорчатка, золотуха, худосочие, опухоли желез).

1) Сифилис в группе этих болезней стоит впереди всех. Болезнь, столь избегаемая людьми, была во множестве раз прививаема – это подтверждается всеми врачами и многочисленной об этом литературой. Куссмауль, ревностный за-

щитник оспопрививания, пишет в своей книге «20 Briefe über Pocken», стр. 96:

«Одно из самых обоснованных возражений против вакцинации есть без сомнения всеми подтверждаемый факт переноса сифилиса. Есть ли этот перенос явление частое или он ограничивается только некоторыми несчастными случаями, но его никакой осторожностью предупредить нельзя, и это составляет ахиллесову пятку оспопрививания».

Возможность этого факта долго была отрицаема защитниками оспопрививания. Знаменитый Рикор не признавал заразительности вторичных явлений сифилиса и был 20 лет рьяным поклонником оспопрививания. В 1862 году однако же он в Парижской Академии выражал сомнение, возможно ли продолжать оспопрививание, так как все более накапливается данных заражения этим путем (Schmid' s Jahrb. 1863, стр. 106) и в 1863 году 19 мая открыто признал это истиной (Journal des Connaissances med. Paris le 10 Mars 1865).

В 1864 году д-р Деполь, директор оспопрививательного института в Париже, представил Академии наук 450 случаев вакцинного сифилиса (Aerztliches Vereinsblatt f. Deutschland III Jahrg. № 91, 1879).

Гораздо прежде однако же, чем научно это было признано всеми авторитетами и высшими медицинскими учреждениями всех государств, несчастные случаи заражения сифилисом, совершались на глазах всего народа и некоторые доходили до суда, и кончались даже осуждением ни в чем не по-

винных врачей, так как причина лежала не в них, а в самой сущности дела оспопрививания. Случаи эти описаны были впервые в Италии в 1814 году врачом Монтеджио: он представил в Миланскую Академию свои исследования, в которых доказывал, что привитие оспы сифилитику производит у него пустулы, содержащие в себе оба яда оспенный и сифилитический (Stricker Studien über Menschenblattern, 1861, стр. 38). Позднее, в 1824 г., напечатано было наблюдение Марколини, подтвердившее мнение Монтеджио: одной девочке здоровой, но дочери сифилитических родителей, была привита оспа, а от нее привита еще 10 и от них еще 30 детям. Все 40 детей были заражены сифилисом. Дети эти заразили своих матерей и кормилиц²⁵.

Позднее были опубликованы в ученых медицинских изданиях многочисленные подобные описанным случаи. Приведем некоторые из них:

1) В 1861 году, в пьемонтской деревне Rialta, здоровому мальчику была привита оспа (из трубочки присланной лимфы) и от него привита была еще 46 детям, а от одного из последних еще 17: все оказались зараженными, а от них заразились 26 матерей, 15 отцов, братья и сестры, как показало следствие (Canstatt's Jahrb., 1862, V. IV, стр. 310).

2) В Кобленце в 1849 году врач Vaudin привил оспу 30 детям от совершенно здорового (по его мнению) ребенка. Все привитые дети заболели сифилисом. Судом врач был при-

---

²⁵ В. Н. Рейтц «Критический взгляд на оспопрививание», 1873, стр. 18 и 19.

сужден к двухмесячному тюремному заключению (Grävell's Notizen III, 19).

3) (Wiener med. Wochensch.) 1879, 14 июня:

«Обязательное оспопрививание в Германии приносит для некоторых врачей очень горькие плоды: доктор Дориан в д. Грабник (Восточная Пруссия) присужден к штрафу в 100 марок и доктор Кениг в г. Прюме (Рейнские провинции) по суду должен был заплатить 600 марок; доктор Фр. Кольб, в Галльфильде (Бавария), присужден к заключению в тюрьму».

4) Швейцарский журнал «Impfgegner», редактируемый N. Hohn 1877, № 7, сообщает о двух актах из г. Lebus (близ Франкфурта-на-Одере), которые немецкая газета отказалась напечатать: циркуляр Франкфуртского Королевского управления от 20 марта 1877 года, которым сообщается о случившемся несчастье заражения и предписывается соблюдать сколь возможно большую осторожность, и вместе с тем указывается на циркуляр по такому же поводу от 26 октября 1876 года № 8051. Случилось следующее: в г. Лебусе 1-го июля 1876 г. сделана была ревакцинация (лимфой, взятой с руки 7-месячного дитяти цветущего по-видимому здоровья) 26 девочкам, в возрасте около 12–15 лет, в школе. У всех их, по прошествии 4–6 недель, по отпадении уже струпииков вакцины, открылись первичные язвы. У всех затем, по истечении известного времени, появились: сыпь, поражения зева, носовой полости и все остальные явления сифилитического

заражения...

Циркуляр предписывает величайшую осторожность в выборе лица и напоминает, что подобные случаи подрывают самое дело оспопрививания.

5) Профессором Lancereaux собран 351 случай заражения сифилисом, все они описаны подробно. Hugo Martini «Der Impfvang» 1878. Leipzig S. 105.

6) Fournier, известный парижский сифилидолог, в своей статье Contagion médicale de la Syphilis (Bulletin médical du 15 Mai 1895, No№ 39 и 40) отводит особый отдел описанию вакцинного сифилиса, Syph. Vaccinale. Он пишет в этом отделе:

«Вакцинный сифилис из всех случайных самый частый и насчитывающий всего более жертв. Что сифилис может быть перенесен этим путем, это знают все, но не все знают о многочисленности зараженных оспопрививанием. Вакцинации производятся массами в деревнях, войсках, учебных заведениях, потому заболевают десятками, сотнями».

Ему известны во Франции таковых три эпидемии, оставшихся неразглашенными: две в войсках и одна в провинциальном городе. Заражения переходили на родителей, всю семью и затем сообщались окружающим. «Без сомнения, – говорит Fournier, – вакцинный сифилис представляет одну из самых печальных страниц в истории медицины».

В России опубликованных печатью случаев весьма мало, но возможно ли предполагать, чтобы невежественные лю-

ди, составляющие и по сие время (1901 г.) не отмененный законом институт оспопрививателей, безграмотные крестьяне или городские ремесленники с не отмываемыми от грязных работ руками, которым столько десятилетий вверено было привитие оспы, а также хотя бы и наши врачи, были в этом отношении безупречнее иностранных? Случаи заражения сифилисом несомненно существовали и существуют во всех губерниях, где не отменен способ привития оспы с руки на руку, но они не доводятся до всеобщего сведения, за исключением, весьма редким, какого-либо особо выдающегося случая. Таковой был, например, в 1871 году в г. Николаеве (Херсонской губернии), дошедший до сведения Новороссийского Генерального губернатора через английского посланника в С.-Петербурге, так как несчастье это постигло два английских семейства при ревакцинации их по случаю эпидемии в Одессе. Возникшее по этому поводу дело констатировало факт и вызвало затем циркуляр Медицинского департамента от 21 декабря 1872 года № 10148. В нем разъяснялось, что по обсуждению этого дела в особом совещании Медицинского совета компетентными лицами заявлено было, что «несчастные случаи передачи сифилиса через оспопрививание всегда будут неизбежны, пока будет существовать обычай прививания человеческой оспы с руки. Единственная радикальная мера есть замена человеческой лимфы животной (от телят); исключения могут быть допущены только для случаев, где врач хорошо знаком со всем семей-

ством ребенка, так что может ручаться, что ни у родителей, ни у ребенка никогда не было сифилиса; только такой ребенок годен для снятия и дальнейшей прививки оспы».

Другой факт, отмеченный в нашей отечественной литературе, был следующий.

На 2-м съезде русских врачей в Москве в 1887 году земский врач Н. П. Путилов спрашивал: «Что делать с нашим оспопрививанием и кем заменить наших оспенников-крестьян?». «Даже и в образованной публике, – говорил он, – распространено мнение, что если и возможно привитие сифилиса, то такие случаи очень редки и ошибочное мнение это поддерживается врачами... В течение 4-летней моей службы, кроме многих достоверных случаев, о которых мне известно заочно, мной несомненно констатировано таких 4 случая. Следовательно, если из весьма небольшого числа случаев, мной лично проверенных, оказалось 4 прививки сифилиса, то сколько же его прививается вообще?!».

При признанной всеми опасности привития сифилитической заразы вместе с оспенной, явилась крайняя необходимость заменить применяемый всюду способ с руки на руку более безопасным. Таковым уже в начале 70-х годов высшими медицинскими управлениями всех государств, а также и у нас (как сказано это в только что упомянутом циркуляре Мед. департамента), признано было как единственное средство привитие оспы животной лимфой – от телят.

В последнюю четверть минувшего столетия во всех госу-

дарствах принимаемы были деятельные меры ко введению во всеобщее употребление прививки телячьей оспы (т. е. искусственно выращенной на телянке человеческой оспы), но не так легко было заменить старый любимый всеми оспопрививателями способ способом новым, более хлопотливым и при том сопряженным с большей тратой труда, времени и излишними, прежде вовсе не требовавшимися, издержками.

Несмотря на крайнюю необходимость (как это полагают сведущие в этом деле ученые лица) предупредить заражение сифилисом, привития с руки практиковались у нас и за границей во многих местностях до самого конца XIX столетия и по сей день не вполне оставлены. Не лучше ли, не разумнее ли же было отменить вовсе столь опасный для здоровья обычай оспопрививания?!

Любопытно заглянуть в труды Совещательной по делу оспопрививания комиссии, созванной в Берлине по определению рейхстага 6 июня 1883 года, для обсуждения вопросов, дающих повод к подаче ежегодных прошений об отмене обязательного оспопрививания.²⁶

Членами комиссии в числе 18 выбраны были компетентные лица, профессора и доктора, между ними было и три противника оспопрививания. Комиссия эта состоялась в ноябре 1884 года.

Совещание членов по содержанию своему принимавшее

---

²⁶ «Protokolle über die Verhandlungen der Impfkommision, zur Berathung der Impffrage», Berlin, 1885.

по временам полемический характер, представляют большой интерес. Мы ограничимся представлением читателю только выдержек из некоторых мнений относительно опасности заражения сифилисом и предупреждения того новым способом – животной лимфой.

Стр. 188: Речь идет об опасности переноса болезней. Знаменитый бактериолог Роберт Кох, поклонник оспопрививания, выразился так: «Самая большая опасность есть перенос сифилиса, но болезнь эта вовсе не заслуживает быть поставленной на первый план. Она, полагаю, только по имени вызывает страх и отвращение (!). Я не знаю случая, в котором вызванный оспопривитием сифилис (*Impfsyphilis*) окончился бы смертью, хотя может быть это и случалось, но сифилис вообще болезнь не смертельная, хотя и неприятная, конечно, но все же излечимая, по крайней мере в большей части случаев... К тому же заражение это в будущем вполне устраняется способом привития» (т. е. телячьей или овечьей лимфы)²⁷.

Страница 222: Речь идет о необходимости устранения повсюду привития оспы с руки и замены этого способа другим безопасным относительно сифилиса – привитием животной лимфы.

Доктор Фон Кершенштейнер (представитель Баварского королевства из Мюнхена): «Быть может, способ привития

---

²⁷ Лимфа годовых барашков, о которой здесь упоминается, употребляема была даже с большим успехом, чем телячья (стр. 221).

животной лимфы окажется в будущем столь предпочтительным, что мы совершенно бросим настоящий способ привития с руки, но пока еще прежде этого мы должны преодолеть большие трудности. Приведение в исполнение предполагаемой всеобщей прививки животной лимфой я считаю едва ли возможным. Пока идеальнее, совершеннее, превосходнее для снятия оспы мы ничего не находим, как здоровое прекрасное дитя, с тинически развитыми оспенными пустулами на ручках, и я считаю, что в этом отношении лучшего материала мы иметь не можем... У нас в Баварии нет надобности искать иного способа прививки. Что касается до сифилиса, который и был привит в Бомбергском уезде 14-и детям, то следствие показало, что в этом виновен был сам врач и он присужден был к тяжелому наказанию. С тех пор в Баварии в течение 50 лет не было случая такого несчастья (т. е. не было опубликовано – авт.). Мы не нуждаемся в введении нового способа прививки».

Страница 219: Д-р Гросгейм (военный штабной врач в прусском военном министерстве): «На основании огромного материала многолетней опытности по делу оспопрививания, я полагаю, что армия не имеет никакого повода оставить ныне применяемый способ гуманизированной лимфы, которую доставляют теперь на всю армию дети унтер-офицеров. Хотя новый способ прививки и будет введен повсюду, но все же армия не обойдется одной животной лимфой и в особенности в военное время...».

Мы видим из этих немногих выдержек, как большинство членов комиссии были далеки от правильного и крайне нужного обсуждения предоставленного комиссии важного вопроса: компетентными лицами во всех государствах признано было еще в 60-х годах, что единственное обеспечение от сифилиса есть прививка животной лимфой, а члены комиссии в 1884 году (20 лет спустя) выражают мнение, что способ прививки с руки идеален, превосходит и его менять не следует. Кроме того, читатель конечно заметил, с каким крайним легкомыслием, не соответствующим своему высокому в науке положению, Роберт Кох выразился о заражении сифилисом, в каких курьезно-забавных выражениях высказал он свое мнение! Такова затемняющая рассудок непреодолимая сила векового наследственного гипноза!

Подававшие прошение в германский парламент, а с ними и все население, возлагавшее свою надежду на эту комиссию, остались при прежнем: ничего не изменилось и строжайший закон об обязательном оспопрививании остался во всей его силе, а с ним и все случайности привития опасных болезней.

3. Золотуха и бугорчатка.

Оба эти страдания могут быть вызваны привитием оспы, это признают два крупных авторитета, уже упомянутые Куссмауль и Кох – оба ревностные защитники оспопрививания. Куссмауль в своем уже много раз упомянутом сочинении (стр. 105–109) пишет: «После привития оспы распухает сперва близлежащая подмышечная железа, а затем при об-

щем ослаблении организма развивается худосочие и опухоли лимфатических желез других областей, и все это будущее гнездо творожистого процесса однородного с бугорчатым, которые рано или поздно могут заразить весь организм».

Другой самый сведущий в этих болезнях врач, Роберт Кох, признаёт возможность переноса бугорчатки привитием оспы. На стр. 214 упомянутых протоколов он говорил: «У рогатого скота развита так называемая жемчужная болезнь (Perlsucht), в основании которой лежит тот же бугорковый микроорганизм, и привитие телячьей лимфой не обеспечивает от него; во всякой оспенной лимфе от больного человека или больного животного всегда находятся кровавые шарики, содержащие в себе этот микроорганизм. Гуманизированная лимфа (т. е. на руке человека), говорят, чище, прозрачнее, чем выращенная на животном. Последняя всегда мутная, но и в самой прозрачной человеческой лимфе, взятой от больного, микроскоп обнаруживает всегда шарики крови – мало ли, много ли их, это все равно – в них есть всегда бугорковые бациллы, даже если оспа снята с наследственно больного дитяти, которого болезнь еще не успела обнаружиться... Также я должен прибавить, что жемчужная болезнь скота встречается совсем нередко и передается плоду еще внутриутробно. Заражение всегда может последовать, если оспа взята от больного теленка, что может быть обнаружено только вскрытием, по снятии с него оспы, потому таковое и производится всегда обязательно в Берлин-

ском санитарном бюро (Gesundheitsamt), прежде чем снятая оспа пускается в ход. В случае же нахождения жемчужной болезни весь собранный от такого теленка запас для привития оспы уничтожается» («Protokolle über die Verhandlungen der Impfkommision, zur Berathung der Impffrage», стр. 214).

Население Берлина снабжается лимфой из Центрального бюро, в Германии во всех уездах устроены правительственные оспопрививательные институты для заготовления лимфы и она отпускается бесплатно врачам. Признанные в Германии необходимыми предосторожности при снятии телячьей лимфы, для обеспечения от бугорчатки, установлены законом от 8 апреля 1874 года (Denkschrift, стр. 133).

У нас в России оспа прививается теперь тоже большей частью телячьей лимфой, но означенная мера предосторожности едва ли соблюдается, т. е. вскрытие теленка, по снятии с него лимф. По крайней мере мне положительно известно, что в некоторых губернских земских больницах, где заготавливается телячья оспа на всю губернию, теленок, по окончании дела, продается за 5–8 рублей. Об этой необходимой осторожности для охранения прививаемых от бугорчатки (т. е. о предварительном вскрытии теленка), полагаю, недостаточно осведомлены врачи и более известные оспопрививатели. Так, в брошюре, озаглавленной «Уход за привитыми детьми», изданной в 1884 году Вольно – Экономическим обществом в 50 000 экземпляров, брошюры, написанной почтенным лично мне известным специалистом по

оспопрививанию М. М. Первушиным (в отделе ее «Как в деревне... устроить дешевое оспопрививание»), на стр. 15 я прочел: «За оспопривитых телок не бойтесь: когда снимут с них оспу, все заживет скоро и телка будет по-прежнему жива, здорова и вырастет после коровушкой». Постановление о вскрытии теленка тягостно главным образом не потерей теленка, а уничтожением, в случае если он окажется больным, всего запаса лимфы, собранного немалым трудом на 1000 и более прививок.

Крайность (большей безопасности от сифилиса) заставила прибегнуть к телячьей оспе, но оспа, выращенная на теленке, имеет свои дурные стороны: 1) она прививается труднее, потому и сама операция требует большего повреждения – делаются не уколы, а надрезы в 3–4 мм глубины и до 1 см длины 2) на местах привития оспенные пустулы часто созревают неполно и нередко дают язвы, заживающие глубокими, безобразными рубцами 3) большее повреждение, конечно, располагает ко всякого рода воспалительным местным явлениям и к разным совершенно непредвиденным случайностям (невралгиям, сведениям мышц и т. п.).

Я был свидетелем одного из таких.

В 1896 году в Петербурге в одном из институтов производились ревакцинации вновь принятым воспитанницам. Привитие оспы было, как ныне везде, животной лимфой. Ввиду могущих от последней остаться после прививки глубоких и некрасивых рубцов для девочек, по крайней мере высшего

класса, советуется избирать местом прививок вместо руки область верхней части бедра, так как при полном туалете им приходилось бы обнажать изуродованные части руки. Врач в этом случае с той же целью привил оспу не на обычном месте руки, а гораздо выше, на левом верхнем плече, приняв в соображение, что это место плеча прикрывается петлей, поддерживающей платье. У одной из привитых девиц (а может быть и у многих, мне это осталось неизвестным) прививка не приняла нормального течения: образовались три язвы (было произведено три укола), которые заживали медленно, и в это время последовало сведение шейно-головных мышц (*splenu capitis et colli*), склонивших голову относительно туловища назад и вбок, пригнувших ее к левому плечу, причем вся голова повернута была вправо, боковая часть левого затылка касалась плеча, а подбородок стоял приподнятым вверх и вправо. Такое искривление головы, обезобразившее здоровую красивую девочку, сопровождалось напряженной болью и раздражением, медленно заживавшими язвами. Несмотря на заботы о ней нежно любящего ее отца, который обращался за помощью ко многим врачам и профессорам, из которых некоторые относились к больной с полным участием, искривление головы не уступало лечению: осмотры, исследования, пробы лечения в ортопедических заведениях, электричество, летучие прижигания поклёном и затем разного рода массажи производились методически, терпеливо, долго. Ничего не помогало в течение 3-х лет; на 4-й год ей стало

несколько лучше, но и по сей день она ещё не вполне здорова. Болезнь эта нарушила весь ход ее воспитания и сделала ее слабой, раздражительной, нервной, и по сие время она ведет уединенную домашнюю жизнь. Случай этот известен и профессору П. Ф. Лесгафту. Я привожу его как совсем непредвиденный, происшедший из ложного векового унаследованного заблуждения о необходимости привития оспы. Один из известных в Петербурге профессоров, навестивший ее, выразил большое сожаление о случившемся и при этом отнесся с негодованием к варварскому обычаю оспопрививания.

Принимая во внимание все вышеизложенное в этой главе о болезнях, происходящих от оспопрививания, невольно погружаешься в глубокую думу и изумление, как в течение двух веков человек, заражая себя своей собственной рукой, вносил в свою кровь различные яды стольких заразных болезней, нанося сам себе страшный вред и порчу организма. Можно только удивляться, как живуча его природа; как население местностей уцелело в продолжение двух веков, подвергаясь убийственной инокуляции и затем дженнеровской прививке. Очевидно, существует в нем живая сила самовосстановления генерациями, подобная существующей в реке, самоочищающейся своим течением. Человечество не может само себя изувечить до вырождения никакими искусственными над собой проделками, никакими принудительными мнимосанитарными мерами; жизнь возрождается новыми поколениями во всей ее природной крепости, свежести

и красоте. Размышления эти, конечно утешительны, но ныне живущим людям от этого не легче переносить все тягости измышленных глупостей традиционных верований и безумных фанатических действий ученых авторитетов. Нет сомнения, что существующие, уже внедрившиеся в наших современниках туберкулезы и сифилисы окончатся своим печальным течением, но надо же наконец прекратить наши фантастически-целебные заражения и оставить навсегда поиски специальных для каждой болезни средств! Существует только одно от всех болезней предохраняющее средство, как это сказал высокоуважаемый П. Ф. Лесгафт, – чистота, т. е., дополним мы, соблюдение чистоты внутренней и наружной нашего организма в обширном смысле этого слова, при убережении себя от всего заведомо вредного. Можно сказать поистине, что празднование (в 1896 году) столетнего юбилея Дженнера было празднованием, без сознания того, столетия великого заблуждения и собственноручных самозаражений человека!

Приложение

Краткие сведения о состоянии вакцинации в Англии и Германии в самые последние годы (1898–1900).

Ежегодно подаваемые в палаты депутатов этих государств прошения об отмене опасного для здоровья и все более ненавистного для населения обязательного оспопрививания, все с большей настойчивостью и большим числом подписей, не могло не оказать влияния, и вот в конце века по-видимому в упомянутых государствах начали проявляться разумные благотворные изменения:

1) Англия. Прогшения, подаваемые ежегодно в парламент, повлияли на большинство депутатов. В проекте нового закона, уже прошедшего через палату общин, внесены следующие ограничения обязательного оспопрививания: родителям предоставлено право не прививать оспы своим детям; для этого достаточно до истечения 4-хмесячного срока после рождения ребенка заявить судье, что они по совести считают оспопрививание вредным. Палата общин приняла проект весьма значительным большинством голосов. Для окончательного принятия проект должен будет пройти еще через палату лордов («Врач», 1898 г., № 32).

Палата лордов отвергла этот проект. Тогда он был вновь рассматриваем вторично палатой общин и вновь утвержден большинством 129 против 49 голосов. Разногласие между палатами, однако же, кончилось тем, что палата лордов уступила, и 28 июля восстановила вычеркнутую ею раньше 2-ю статью билля. Билль вступил в силу закона 12 августа 1898 года («Русские ведомости», № 149, 1898 г.).

При обсуждении в палате общин вызван был экспертом знаменитый хирург Листер, и его мнение главным образом повлияло на отмену обязательного оспопрививания.

«Судя по отчетам, представленным лондонским местным санитарным управлением, число детей непривитых вследствие „сопротивления по совести“ (conscientious objections) со стороны родителей, достигло в Англии в течение 4-х месяцев 250 000. Страх оспопрививателей принимает большие размеры» («Врач», 1899, № 3).

2) Германия. В 90-х годах стали замечаться некоторые послабления в суровости закона обязательного оспопрививания. В «Allgemeine med. Centralzeitung» 1882 года, № 42 от 25 мая, напечатано было следующее:

«В г. Нюрнберге (Бавария) в 1892 году группа родителей пришла с детьми к врачу-оспопрививателю и обратилась к нему следующими словами: „Мы принесли к Вам наших детей; если Вы дадите нам письменное ручательство в том, что от привития им оспы не произойдет никакого вреда для их здоровья, то мы просим Вас привить им оспу“. Врач не выдал

просимого удостоверения и они, отказавшись от привития оспы, ушли. Во всей Баварии, а потому и в Нюрнберге, оспопрививание строго обязательно; об отказе их сообщено было полиции и дело пошло в суд, но вместо оштрафования суд их оправдал. Этим фактом, конечно, исполнительность обязательного оспопрививания была уже значительно подорвана. Такой прием для освобождения детей от оспопрививания дал повод и другим родителям требовать от врача удостоверения, но такого ручательства, разумеется, не может выдать ни один из сведущих и опытных врачей».

Во «Враче» 1898 г., № 32 напечатано было следующее:

«Германский союзный совет признал необходимым назначить при германском Главном санитарном учреждении (Gesundheitsamt) особую комиссию, под председательством доктора Köhler'a, для обсуждения, не надо ли сделать какие-либо изменения в законе об обязательном оспопрививании. В комиссию приглашены были членами и противники оспопрививания, но ни один из них не пожелал участвовать, кроме доктора Бёинга. Из постановлений комиссии приведем следующее: 1) Значительным большинством голосов принято было „запрещение употреблять для привития человеческую лимфу“; 2) Почти единогласно принято: „Прививание производить впредь лишь на одной руке, а именно в первый раз на правой, а при повторной прививке на левой руке“; 3) „Наличность одного прививного гнойничка признана достаточной“».

В комиссии заявлено было официально, что в последние годы не было доказано ни одного случая переноса с оспопрививанием сифилиса, но доктор Vöing заявил, что из частной практики он знает несколько таких случаев. Комиссия признала желательным, чтоб врачи пользовались лимфой лишь из правительственных учреждений (Allgem. Med. Central Zeitung, 1898, 3 августа).

Таковые новости из двух главных государств, до сих пор охранявших строго обязательность прививки. Будем надеяться, что все насилия будут все более упраздняться, и что правительства не замедлят «предоставить каждому гражданину право самому распоряжаться своим телом».